

Глава 17-1. Взаимное стремление

—

Небольшая пристройка задней кухни, окутанная густыми кулинарными ароматами, не могла удержать внутри запах готовящихся блюд. Сун Фэнсуй вдохнул этот манящий аромат и, тихо кашлянув, наконец перешагнул порог и вошел внутрь.

Дуань Янь поднял глаза и заметил плавно вошедшего на кухню гэра. Руки кузнеца в это время мерно и ритмично нарезали арбузную корку — кусочки выходили один к одному, одинаковой толщины и идеальной формы.

Одним движением смахнув нарезку в тарелку, он посмотрел на гостя. Сун Фэнсуй слегка наклонился и, точь-в-точь как маленький котенок, забавно сморщил нос, принюхиваясь к только что снятым с огня ароматным жареным куриным потрошкам.

— Проголодался?

Сун Фэнсуй не ответил на этот вопрос напрямую, а лишь заметил:

— В прошлом я видел, как домашние слуги покупали тушеные в специях потроха. Говорили, что вкус отменный.

Когда он жил в столице, то передвигался исключительно в паланкинах да повозках, а посещал лишь богатые трактиры и крупные рестораны. Там блюда готовились ради изысканной свежести, редких деликатесов или необычной подачи — там, разумеется, не бывало такой простой городской еды.

В тех кругах поговаривали, будто субпродукты едят лишь низшие слуги да чернорабочие, а благородным господам негоже пачкать уста столь нечистой пищей. Поэтому, увидев, что это аппетитное, благоухающее на всю кухню блюдо приготовлено из обычных куриных потрохов, он почувствовал легкое удивление.

Дуань Янь прекрасно понял скрытый смысл слов Сун Фэнсуя: юноша никогда прежде такого не пробовал.

Богатые семьи не успевали перепробовать все изысканные яства из даров гор и морей, так что у них, конечно, не могло возникнуть любви к внутренностям домашних птиц или скота. В нынешние времена только простые люди из народа, обделенные ресурсами, станут без устали возиться с мытьем и чисткой этих «нечистот», чтобы приготовить из них приличное блюдо.

— Только что зарезал курицу, вот и отобрал потроха, чтобы обжарить целую тарелку. Позже оставим это нам с Гоу Сань-эром. У тётушки Ли внук занемог, и я не знаю, удалось ли им созвать лекаря, оттого на сердце беспокойно. Вот я и отпустил ее домой проведать ребёнка. А поскольку в обед готовить было некому, я попутно приготовил все сам.

Дуань Янь поспешил успокоить Сун Фэнсуя:

— Для тебя я отдельно потушил курицу, а еще приготовил другой суп и овощи, так что тебе вовсе не обязательно есть именно это.

Сун Фэнсуй смерил Дуань Яня долгим взглядом и неторопливо протянул:

— С чего это ты вдруг единолично решил не давать его мне? Хотя в прошлом я и слышал, что это дурная пища, но сегодня, видя отменное мастерство повара, во мне против воли родилось желание попробовать.

Дуань Янь на миг опешил, а затем с улыбкой отозвался:

— Раз ты охотно готов отведать, то и ладно.

Сун Фэнсуй так и остался стоять на кухне, не проявив намерения уходить. Он заворожено наблюдал за привычными, отточенными движениями кузнеца: разделочная доска издавала ритмичный стук «да-да-да», и крупные, полные зубчики чеснока вмиг превращались в ровное крошево, а кусок мягкой свинины пластовался так тонко, что едва ли не просвечивал.

Юноша видел, как точно мужчина управляет силой огня и температурой масла, как к месту добавляет соль, соевый соус и воду. Подготовка продуктов, разжигание очага, жарка — со всей этой вереницей мелких хлопот один-единственный человек справлялся на редкость размеренно и без суеты.

Сун Фэнсуй несколько раз порывался помочь и направлялся к очагу, но мужчина всякий раз останавливал его:

— На дворе жара, не подходи к печи, берегись, как бы огонь тебя не обдал.

Стоило юноше повернуться к чану с водой у разделочного стола, как тут же следовало:

— Воду только что набрали из колодца, слишком холодная, не трогай.

Что ж, ладно. Но очистить головку чеснока ведь точно можно?

— У чеснока запах едкий, въестся в пальцы — долго пахнуть будет.

Сун Фэнсуй: «.....»

В итоге ему ничего не оставалось, кроме как усесться за квадратный стол поодаль и послушно дожидаться подачи еды.

Он молча созерцал хлопочущего Дуань Яня. За долгие годы ему довелось повидать немало выдающихся мужчин: кто-то блистал поразительными талантами, кто-то обладал высоким воинским искусством, а иные — безупречной, редкой красотой... Но ему еще никогда не встречался такой человек, как Дуань Янь.

На первый взгляд — статный, крепкого сложения, простоватый и прямолинейный силач, но при ближайшем рассмотрении он оказывался на редкость терпеливой и чуткой натурой.

Обычно такие мужчины грубы и прямолинейны, в то время как книжники хрупки и деликатны. Однако этот мужчина, казалось... вобрал в себя лучшие черты и тех, и других.

Пока юноша пребывал в глубокой задумчивости, на столе одна за другой появились все пять готовых блюд. Горячий, дразнящий аромат еды вернул его к реальности, и взгляд против воли приковался к кушаньям.

Дуань Янь взял пиалу, налил чуть меньше половины порции куриного бульона и поставил перед гостем.

Изначально привередливое обоняние Сун Фэнсуя уже было полностью покорено ароматом во время готовки, и теперь ему не терпелось узнать, каково же блюдо на вкус.

Сделав первый глоток, он ощутил, что бульон вышел невероятно наваристым и сытным, словно впитал в себя всю суть целой курицы. Сам он отродясь не любил жирную пищу, и в былые времена, даже уварись птица до столь глубокого и богатого вкуса, он едва ли притронулся бы к ней.

Однако то были привычки богатого молодого господина. За время долгого пути в ссылку он почти не видел хорошей еды, а ту обычную мясную пищу, что ему предлагали, он попросту не мог проглотить из-за невыносимого резкого запаха. Оттого в его теле почти не осталось сил, а сам он сделался куда прозрачнее и худее, чем прежде.

И вот теперь, внезапно попробовав мясную еду, которая не вызывала у него отторжения, он даже ощутил легкий прилив аппетита.

Дуань Янь внимательно наблюдал за ним:

— Ну как? Пришлось ли по вкусу?

Сун Фэнсуй слегка кивнул. Бульона в пиале было совсем немного, поэтому он тихо произнес:

— Я выпью еще немного.

— Выпей чуть-чуть ради вкуса, да и будет. В супах много пуринов, для укрепления тела нужно больше налегать на мясо.

Цельная куриная ножка не была разрезана на части; она истомилась так, что кожица слегка размякла, а скрытое под ней мясо пропиталось соками и выглядело сочным и ничуть не сухим.

В следующее мгновение куриный окорочок уже оказался в пиале Сун Фэнсуя.

Юноша приоткрыл рот, собираясь было отказаться, но, рассудив, что ножка не такая уж большая, смолк.

Взяв палочки, он попробовал мясо. Оно и впрямь не уступало наваристому бульону — оказалось на редкость нежным и мягким, совершенно не застревая в зубах.

Дуань Янь заметил, что Сун Фэнсуй по-прежнему ест не торопясь, с соблюдением всех приличий, но, по крайней мере, это уже не напоминало былые дни, когда тот лишь безучастно сжимал в пальцах палочки, почти не притрагиваясь к еде. Похоже, стряпня действительно пришлась юноше по вкусу.

Только после этого Дуань Янь и сам взялся за палочки. Прошлой ночью он почти ничего не ел, а приняв лекарство, проспал всё утро. Время уже близилось к полудню, так что он остался без завтрака, и в его животе гулял ветер.

Быть может, еда и впрямь удалась на славу, а может, дело было в компании человека с хорошим аппетитом, но Сун Фэнсуй съел действительно немало: одолел куриную ножку, а после приновился заедать куриные потрошка малой порцией отборного риса.

Хрустящие кишочки и куриные пупки — если отбросить мысли об их происхождении и судить лишь по текстуре и аромату обжарки — ничуть не уступали изысканным дарам гор. С рисом

это шло просто великолепно.

К тому же суп из арбузных корок с мясом обладал легким, освежающим и сладковатым вкусом, а мясной навар при этом совершенно не казался приторным или тяжелым. Он отчасти напоминал суп из зимней дыни, но был чуть слаще. Самое примечательное, что летом зимнюю дыню не сыскать, а тут удалось отведать столь похожий вкус.

Сун Фэнсуй, не питавший особой любви к жирному, счел это диковинным; такое угощение определенно пришлось ему по душе.

Разнообразных блюд было приготовлено много, и, отведав каждого понемногу, юноша быстро ощутил сытость.

Дуань Янь мысленно подсчитал, сколько съел его гость, и, рассудив, что тот уже наелся, не стал больше предлагать. Для человека, который долгое время мало ел, переедание за один раз могло обернуться вредом для желудка.

Сун Фэнсуй отложил палочки. Добрая трапеза заметно развеяла его уныние, тяготившее душу долгое время.

Слегка подперев указательным пальцем подбородок, он устремил взор прекрасных глаз на сидящего напротив мужчину, который продолжал обедать.

— Мне это кажется странным: обладая таким талантом, как же ты не сумел добиться расположения своего возлюбленного гэра, с которым рос с малых лет? Что же такого ты натворил в прошлом?

Услышав этот вопрос Сун Фэнсуя — заданный будто бы невзначай, но с явным желанием подловить его, — Дуань Янь невольно опешил.

Надо же, никак не забудет эту историю. Тут уж действительно ничего толком не объяснишь.

Он посмотрел на Сун Фэнсуя и промолчал.

— Не желаешь рассказывать?

Заметив этот вид Дуань Яня, Сун Фэнсуй слегка приподнял длинные брови.

— Я не знаю, выбрал бы он меня тогда, доведись ему отведать моей стряпни, — Дуань Янь поразмыслил какое-то время. — Но, так или иначе, я никогда для него не готовил.

В каком-то смысле это было чистой правдой.

Сун Фэнсуй, услышав это, слегка замер.

Росли вместе с малых лет, а он для него ни разу не готовил. В то время как они сами знакомы всего ничего, а мужчина уже...

Сун Фэнсуй оборвал эти мысли на полуслове. Этот человек казался совершенно бесхитростным и правильным, далеким от сердечных дел, порой даже заторможенным. Но на поверку он не только совершал поступки, способные растопить сердце девицы или гэра, но и обладал талантом красиво говорить.

Изначально юноша хотел лишь пошутить по-дружески, поддразнить его, а в итоге сам же

угодил в расставленные сети.

Сун Фэнсуй слегка повел бровями. По правде говоря, он считал Дуань Яня достойным и надежным мужчиной. Судя по характеру и поступкам, которые он успел разглядеть за дни их знакомства, тот весьма приходился ему по нраву.

Будь он прежним — чистым и незапятнанным молодым господином из знатного рода, которому не о чем беспокоиться и сокрушаться, — то встретить он Дуань Яня при тех обстоятельствах, возможно, их общение действительно могло бы перерасти в нечто большее.

Но теперь, когда семья разорена, а престарелый дедушка прикован к постели хворью, в эти шаткие дни, когда неизвестно, что принесет грядущее, у него попросту нет душевных сил думать о подобном. Он ни за что не позволит себе увлечься любовными переживаниями.

— Дуань Янь, порой судьба сводит людей вместе, но если время выбрано неверно, то и плодов ждать не стоит. Многие вещи нельзя получить силой... Особливо если речь идет о чувствах.

— ?

Дуань Янь слегка оторопел, даже забыв прожевать застрявшую во рту еду, и вскинул глаза на Сун Фэнсуя.

Он видел, что лицо юноши выражает предельную серьезность, вот только совершенно не понимал, к чему тот внезапно завел эти речи.

Поразмыслив, он решил, что тот, должно быть, пытается утешить его в воспоминаниях о возлюбленном детства.

Но ведь то был гэр, в которого был влюблен прежний хозяин тела, сам же Дуань Янь к нему никаких чувств не питал. Он ничуть не печалился, тем более что тот гэр уже давно сочетался браком с другим, так что и связывать их больше ничего не могло.

С другой стороны, пусть прежний Дуань Янь и бывал беспутным, к предмету своего обожания он относился бережно: до истории с Сун Фэнсуем держал себя в строгости и не пускался во все тяжкие.

Сейчас кузнецу так или иначе следовало поддерживать те немногие достойные качества прежнего владельца тела. Пусть и не стоило разыгрывать драму о неизбежной старой любви, но выказать уважение к прошлым чувствам было необходимо.

Потому Дуань Янь с самым серьезным видом произнес:

— Я знаю, что к чувствам нельзя принудить, и я никогда не думал об этом. Если человек вложил всю душу и приложил все силы, то пусть даже конечный исход окажется далек от задуманного идеала, в будущем ему, по крайней мере, не в чем будет себя упрекнуть.

Сун Фэнсуй на мгновение замялся, но затем продолжил:

— ...Тебе не стоит упрямствовать и погружаться в это слишком глубоко. Порой кажется, будто человек перед твоими глазами — лучшее, что суждено встретить в этой жизни, но на деле все обстоит иначе. Жизнь долгая, и кто знает, быть может, лучший и куда более подходящий тебе человек еще ждет впереди.

В жизни всякое случается. В былые времена, когда он жил в столице, молодой маркиз питал к нему глубокую привязанность, о чем гудел весь город. Многие верили, что они с молодым господином из поместья маркиза — пара, созданная самими небесами, и в будущем непременно свяжут себя узами брака. Однако в одночасье его положение переменилось, всю семью отправили в ссылку, а в поместье маркиза тем временем с великой пышностью отпраздновали свадьбу.

На самом деле он никогда не держал зла на молодого маркиза. И пусть в юности тот выказывал невероятную искренность и не раз клялся, что прийдет за ним свадебный паланкин, усталый парчой на десять ли вокруг... Теперь, оглядываясь назад, он понимал: едва ли между ними действительно была настоящая любовь. Скорее, то было лишь равенство происхождения и сословий; в юности они часто виделись, и со стороны казались союзом одаренного мужа и нефритовой красавицы.

А стоило одной стороне рухнуть, как другой стороне и впрямь не имело смысла навлекать на себя гнев императора, связываясь с опальными, и наживать беду из-за глупых обещаний, данных в юношеском невежестве.

Лишь в иные бессонные ночи, воскрешая в памяти былые дни, он невольно сокрушался о том, как переменчив и суров этот мир.

Оттого в его глазах мужская привязанность казалась чем-то на редкость хрупким и поверхностным — стоит внешним обстоятельствам измениться, как и мысли меняются день ото дня, и это в порядке вещей. Любовные узы слишком непрочны; оставаться друзьями или союзниками — куда долговечнее.

Он дорожил их знакомством с Дуань Янем, а потому не желал, чтобы они вдвоем ступили на эту шаткую тропу, подобную тонкому льду.

Дуань Янь не ведал о потаенных мыслях Сун Фэнсуя. Он лишь молча слушал его речи, рассудив, что в словах юноши есть доля истины.

Вот только...

Не стоит цепляться за былую любовь, лучшее ждет впереди...

Отчего эти слова звучат так... странно?

Дуань Янь украдкой бросил взгляд на Сун Фэнсуя. Сам он не переживал внезапного краха семьи, да и возлюбленная его не выходила замуж за другого, оттого он, конечно, не мог знать, что эти речи — лишь плод горьких воспоминаний юноши.

Слыша эти слова, он против воли принялся развивать мысль дальше. Ему почему-то показалось... будто это тонкий намек.

В один миг в голове Дуань Яня словно гром прогремел: неужто он нравится Сяо Сун-гэру?!

Он с трудом сглотнул подступивший к горлу комок. Они ведь едва два дня как общаются? С его происхождением и талантами юноша должен быть человеком с весьма высокими запросами, как он мог так легко увлечься обычным деревенским кузнецом из глухомани?

Но... но если здесь нет тайного умысла, к чему бы ему вдруг заводить подобные разговоры...

Если поразмыслить здраво, за эти два дня и впрямь произошло немало событий. Движимый лишь желанием решить насущные проблемы, он совершил несколько поступков. Для него самого в этом не было ничего особенного, но в глазах Сун Фэнсуя все могло выглядеть совершенно иначе.

Семья Сун в одночасье лишилась опоры, бывшее величие обратилось в прах. Сун Фэнсуй своими глазами видел, как рушатся высокие башни, сполна натерпелся людского равнодушия и тягот ссылки, и тут внезапно объявляется человек, который проявляет к нему искреннюю заботу. В безвыходном положении малейшая капля доброты может раздуться до невероятных размеров. Благодарность, смешанная с обидой и горечью, — эти сложные чувства легко могут быть ошибочно приняты за... Подобное в его жизни случалось уже не впервой.

К тому же, не будь у Сун Фэнсуя тайных чувств, с чего бы ему, забыв бывшие обиды, помогать кузнецу исцеляться от яда, да еще и брать на себя вину перед Чэнь Ху, лишь бы раздобыть для него лекарственные травы, сознательно делая себя козлом отпущения...

Чем дальше Дуань Янь размышлял, тем больший хаос воцарялся в его голове. Небеса! А этот Сяо Сун-гэр вообще достиг совершеннолетия? Совершая прежние поступки, он, видит бог, не имел намерения соблазнить его!

Знать бы заранее, что все примет такой оборот, он бы не стал вести себя с ним так... Ай, да он и не считал, что сделал для него так уж много!

В комнате на какое-то время воцарилась тишина.

Сун Фэнсуй видел, что Дуань Янь не произносит ни слова, а на лице его то и дело отражается то замешательство, то глубокая досада. Дыхание юноши на миг перехватило.

Не слишком ли безжалостно с его стороны заводить подобные разговоры именно сейчас?

За последнее время он принял от этого человека немало заботы, они только недавно условились, что впредь станут помогать друг другу, а теперь он в один миг требует от мужчины умерить пыл и не питать напрасных иллюзий на его счет. Какое двуличие...

Более того, положение самого Дуань Яня сейчас было не самым завидным: близкий человек предал его, к тому же он был отравлен.

На самом деле, Сун Фэнсуй лишь высказал свои мысли, последовав за иносказательными словами Дуань Яня, и вовсе не желал ставить его в неловкое положение. Он не принадлежал к числу тех гэров, что любят пользоваться чужой симпатией и помыкать мужчинами ради собственной выгоды. Он действительно считал Дуань Яня неплохим человеком, а потому не хотел, чтобы тот питал напрасные надежды и безгранично жертвовал собой.

Юноша полагал, что для них обоих самым долговечным будет оставаться в равных отношениях — как друзья или союзники.

Но, успокоившись и поразмыслив, он понял, что слишком пекся о собственных мыслях и совершенно не ставил себя на место Дуань Яня. Сейчас и впрямь было не время говорить о подобном.

Сун Фэнсуй на мгновение умолк, а затем уклончиво перевел разговор:

— Я ведь просто к слову сказал, ты не принимай близко к сердцу. Как ты и говорил, жизнь

долгая, и никто не знает, что будет впереди. Настроение и мысли всегда меняются вместе с обстоятельствами. Быть может, к тому времени нынешние трудности и заботы уже перестанут быть проблемой.

Дуань Янь, так и не дождавшись ответа от Сун Фэнсуя, с явным усилием натянул уголки губ, по-видимому, желая казаться спокойным.

Заметив это выражение лица и услышав слова о том, что в будущем возможно все, он лишь еще сильнее уверился в своих догадках.

Дуань Янь на мгновение растерялся, не зная, что чувствовать. Но больше всего ему было жаль этого гэра — жаль из-за всего, что тому пришлось пережить. Человек, которому суждено было прожить спокойную и богатую жизнь, теперь терпел невзгоды и в самой грязи проникся теплыми чувствами к мужчине, который при иных обстоятельствах никогда бы даже не появился в его жизни.

По-хорошему, заметив у юноши подобные намеки, ему следовало бы сразу же потушить эту искру и высказать все как есть в качестве предостережения.

Однако, подумав о том, что Сун Фэнсуй сейчас слаб здоровьем и находится в шатком положении, а единственным человеком, кому он может доверять, остался, похоже, только он сам, Дуань Янь побоялся, что немедленный и резкий отказ ранит его.

Ради их едва установившегося согласия лучше пока не отказывать напрямую, тем более что Сун Фэнсуй и сам не высказывался до конца открыто.

Юноша так умен. Когда все уляжется и пройдет время, ему даже не придется ничего объяснять — тот наверняка и сам все поймет.

Успокоив себя этими мыслями, Дуань Янь перевел дух и произнес:

— Твоя правда. Сейчас самое важное — поскорее поправить твое здоровье и разобраться с эпидемией. А об остальном поговорим позже.

Сун Фэнсуй слегка приподнял взгляд и кивнул.

Двое людей, каждый со своими сложными мыслями, временно сошлись на этом решении.

После полудня Сун Фэнсуй, который обычно ел мало, почувствовал сонливость из-за сытного обеда. Он вернулся в комнату и немного вздремнул. Примерно через время, которое требуется для сгорания одной палочки благовоний*, он поднялся и снова отправился в аптекарскую комнату.

[*В древнем Китае время сгорания одной палочки благовоний (香, сянь) традиционно составляло около 30–40 минут, что использовалось как мера для коротких промежутков, медитаций или для измерения времени, например, в медицине. В художественной или литературной традиции это выражение часто означало относительно небольшой, но ощутимый отрезок времени.]

Провозившись там некоторое время, он почти полностью закончил приготовление лекарства против эпидемии.

Сложив целебные сборы в медицинский сундучок, он захотел как можно скорее отправиться в

деревню. Помогает ли это средство на самом деле, можно было узнать только после практического применения.

Поэтому он пошел искать Дуань Яня, надеясь через его связи попасть в поселение.

— Лекаря сейчас днем с огнем не сыщешь. Семье ничего не оставалось, кроме как пойти и расспросить госпожу Чжао. Но кто же знал, что ее домашние скажут, что она ушла еще с раннего утра и даже на обед не возвращалась. Дома никто и понятия не имеет, к кому именно она ушла на осмотр.

— Лицо ребёнка побелело от рвоты, у него уже сил нет плакать. Малыш ведь сам по себе еще такой слабенький, уж не привязалась ли к нему какая нечисть... Если с ним что-то случится, как же нам быть...

Едва Сун Фэнсуй подошел к дверям боковой гостиной, как до него донесся плач тётушки Ли.

Он нахмурился:

— Что произошло? Ребенку так и не стало лучше?

Тётушка Ли, увидав вошедшего Сун Фэнсуя, принялась комкать в руках платок, утирая глаза:

— Да, все так.

Дуань Янь добавил:

— В полдень ненадолго возвращался Гоу Сань-эр. Он рассказал, что городских лекарей уже отправили в сельскую местность бороться с эпидемией. Даже госпожа Чжао, которая осматривала тебя прежде, теперь завалена работой. В городке жителей немало, и в такое время у кого хоть немного заболит или заломит голову — все до смерти боятся, что подхватили эту лихорадку, и спешат к врачу ради собственного успокоения. Оттого лекари сейчас на вес золота.

Сун Фэнсуй промолчал. Видя, что у тётушки Ли глаза совсем опухли от слез, он почувствовал укол жалости. Осмотр ребенка не отнимет много времени, а если проявить равнодушие и это будет стоить малышу жизни, на душе у него останется тяжкий груз.

Поэтому он пока отложил свои дела и обратился к Дуань Яню:

— Может, мне пойти и взглянуть на него?

У тётушки Ли в глазах мгновенно вспыхнула надежда. В такой момент уже было не до сомнений в чьем-то врачебном искусстве — лишь бы хоть кто-то, мало-мальски понимающий в деле, взглянул на дитя.

Она с надеждой посмотрела на Дуань Яня:

— Могу ли я просить о такой милости, молодой господин?

Дуань Янь, разумеется, не стал бы удерживать Сун Фэнсуя:

— Твое тело выдержит это?

— Ничего страшного, это ведь в пределах города, осмотр не потребует много сил.

Видя это, Дуань Янь согласился.

Тётушка Ли принялась без конца рассыпаться в благодарностях. Сун Фэнсуй не стал терять времени, вернулся в аптекарскую комнату за сундучком. Хотя он шел в дом к тётушке Ли, но, помня о прошлой ловушке, он больше не осмеливался в одиночку соваться в незнакомые места, поэтому решил взять с собой Ань-гэра.

Быстрым шагом он вышел во внешний двор и уже собирался позвать Ань-гэра, как вдруг увидел поджидавшего у ворот Дуань Яня. Сун Фэнсуй подумал было, что тот хочет дать ему какое-то напутствие, но мужчина просто протянул руку и забрал у него висевший на плече медицинский сундучок. Только тогда юноша понял, что тот собирается идти вместе с ним.

— Ты... разве тебе нечем заняться после полудня?

Дуань Янь ответил:

— Вчера я ездил в лавку за зерном и сменил там замки. Уже столько времени прошло, а Чэнь Ху так и не явился с разборками, что довольно странно. По-хорошему мне следовало бы заглянуть в лавку, но, подумав, я решил, что он не к спеху, так что и мне незачем туда торопиться.

Сун Фэнсуй тихо кашлянул в кулак. Не слишком ли этот человек навязчив? Складывалось ощущение, будто он ни на миг не может выпустить его из виду.

Он мягко произнес:

— Если ты занят, тебе вовсе не обязательно идти со мной к тётушке Ли. Я могу взять с собой Ань-гэра. Я только что расспросил тётушку Ли о симптомах ребенка, там не должно быть ничего сложного, это не займет много времени.

Дуань Янь, видя, что тот отказывается от его компании, предположил, что юноша все еще немного дуется из-за их полуденного разговора, а потому попытался воззвать к логике:

— Я знаю, что ты справишься. Но в наших глухих краях, когда женщина или гэр приходят в чужой дом врачевать, это всегда вызывает массу кривотолков. К тому же ты лицом... Кхм. Когда госпожа Чжао приходила осматривать тебя, ее тоже сопровождал муж.

Сун Фэнсуй резко вскинул на него глаза:

— Ты видел, что ее сопровождал муж, и потому сам тоже...

Услышав такое истолкование своих слов, Дуань Янь опешил. Он ведь просто констатировал факты, но в таком ключе все действительно выглядело как-то двусмысленно.

Он поспешил объяснить:

— Я имел в виду, что даже если ты возьмешь Ань-гэра, вы все равно останетесь двумя слабыми гэрами, что неизбежно повлечет за собой неудобства. Рядом должен быть мужчина. Будь здесь Гоу Сань-эр, я бы велел ему проводить тебя.

И то верно: в этом доме, не считая Гоу Сань-эра, не было ни одного крепкого работника для охраны двора. Ань-гэр отлично справлялся с домашними хлопотами, но стоило выйти за порог, как сразу возникали трудности.

Сун Фэнсуй немного остыл и здраво обдумал доводы Дуань Яня. Если действительно что-то случится, то по части грубой силы два гэра вместе взятые и впрямь уступят любому мужчине.

Вот только... к чему было приплетать историю о том, как госпожу Чжао на осмотрах сопровождает муж?

Он слегка отвел взгляд в сторону и неловко вымолвил:

— Ну, тогда идем.

—

<http://bllate.org/book/17884/1726922>